

Деятельность петроградского славянофильского общества «Славянские трапезы» в период Первой мировой войны

Дмитрий Стогов

The activities of the Petrograd Slavophile society «Slavic Meals» during the First World War

Dmitrii Stogov

(Saint Petersburg State Electrotechnical University «LETI», Russia)

DOI: 10.7868/S3034579025060209

Политическая ситуация в России в годы Первой мировой войны уже более ста лет является предметом острых научных дискуссий. Анализируя причины и механизмы кризиса государственности, приведшего к Февральской революции, исследователи пытаются ответить на вопрос о возможности избежать свержения династии Романовых. При достаточно слабом развитии политических институтов гражданского общества, в том числе партий, особое внимание при изучении опыта общественной самоорганизации в самодержавной России привлекают салоны, кружки, «беседы» и другие неофициальные группы, участники которых в неформальной обстановке обсуждали актуальные проблемы литературной, религиозной и политической жизни. Важное место среди них занимали объединения консервативного направления, отстаивавшие монархическую форму правления, особую роль православной Церкви и критиковавшие не только революционное движение, но и либеральную идеологию.

В историографии замечено, что к середине 1910-х гг. произошло «измельчание» таких групп, а их политическое влияние заметно снизилось, особенно после смерти в 1914 г. организаторов крупнейших салонов Санкт-Петербурга — кн. В.П. Мещерского и генерала Е.В. Богдановича¹. Вместе с тем слабоизучены остаются различные не столь известные, но достаточно представительные по количеству участников объединения правого толка, в частности славянофильское общество «Славянские трапезы», основанное в Санкт-Петербурге в начале 1912 г. До сих пор оно привлекало внимание исследователей в основном при изучении общественных настроений в России во время Балкан-

---

© 2025 г. Д.И. Стогов

¹ Стогов Д.И. Правомонархические салоны Петербурга—Петрограда (конец XIX — начало XX века). СПб., 2007; Леонов М.М. Российские салоны второй половины XIX — начала XX веков: патронат и протектирование. Самара, 2010; Гайда Ф.А. «Кабинет» князя Н.Д. Голицына и поиски политического курса зимой 1916—1917 гг. // Российская история. 2020. № 1. С. 75—90; Друзин М.В. Е.В. Богданович: общественный деятель пореформенного времени // Российская история. 2020. № 1. С. 91—101; Мамонов А.В. Граф М.Т. Лорис-Меликов и салон Богдановичей // Российская история. 2020. № 1. С. 101—107; Котов А.Э. «Ненадёжный друг»: А.С. Суворин и салон Богдановичей в конце XIX в. // Российская история. 2020. № 1. С. 107—114; Шруба М. К типологии литературных объединений в дореволюционной России // Rhema. Рема. 2020. № 4. С. 23—48; Стогов Д.И. Правые кружки Петрограда в предреволюционной политической борьбе (июль 1914 — февраль 1917 гг.). СПб., 2020.

ских войн². По замечанию А.А. Поповкина, уже тогда на мероприятиях этого общества «происходило сближение консервативных и умеренно-либеральных панславистов»³. Как показала М.М. Беклемишева, звучавшая на них критика правительственной политики по отношению к Австро-Венгрии и Германии на рубеже 1912–1913 гг. сыграла заметную роль в отставке с должности главного редактора «Правительственного вестника» А.А. Башмакова — одного из организаторов «Славянских трапез», видного публициста панславистского направления, правоведа, члена Санкт-Петербургского Славянского благотворительного общества, в котором он занимал пост товарища (заместителя) председателя в середине 1910-х гг.⁴

Между тем данные о деятельности петроградских «Славянских трапез» во время Первой мировой войны в научной литературе ограничиваются упоминанием отдельных собраний и краткой характеристикой взглядов некоторых участников, включая призывы к борьбе с «немецким засильем»⁵. Цель настоящего исследования — восполнить лакуны в истории этого общества в военное время, определить состав его участников, организационные особенности, охарактеризовать обсуждавшиеся вопросы и предпринятые инициативы, оценить влияние «Славянских трапез» на формирование правительственного курса во внешней и внутренней политике в июле 1914 — феврале 1917 г.

Следует отметить, что в обозначенных хронологических рамках наиболее подробно источники позволяют восстановить работу объединения только в первые девять месяцев войны, озаглавленные наиболее крупными успехами русской армии. Прежде всего этому способствуют опубликованные самим обществом «известия», в которых приведены отчёты о прошедших в августе–октябре 1914 г. заседаниях⁶. Кроме того, ряд собраний «Славянских трапез» получил освещение в газетах, в основном консервативного направления («Новое время», «Земщина», «Русское знамя» и др.), в июле–сентябре 1914 г. и в феврале–марте 1915 г. После активных наступательных действий германских войск в 1915 г. и приобретения войной затяжного характера пространственные отчёты о деятельности «Славянских трапез» в периодике исчезли, перестали выходить

---

² Поповкин А.А. Славянские благотворительные общества в Москве и Санкт-Петербурге: 1858–1921 гг. Дис. ... канд. ист. наук. Воронеж, 2013. С. 409, 450–451; Гайда Ф.А. Власть и общественность в России в период кризиса Третьеиюньской системы: диалог о пути политического развития (1910–1917 гг.). Дис. ... д-ра ист. наук. М., 2016. С. 360, 381–382; Кострикова Е.Г. Геополитические интересы России и славянский вопрос: идейная борьба в российском обществе в начале XX века. М., 2017. С. 276; Гусев Н.С. Болгария, Сербия и русское общество во время Балканских войн 1912–1913 гг. М., 2020. С. 116–118, 282, 286.

³ Поповкин А.А. Славянские благотворительные общества в Москве и Санкт-Петербурге... С. 450.

⁴ Беклемишева М.М. А.А. Башмаков (1858–1943): общественно-политические взгляды и деятельность в дореволюционной России. Дис. ... канд. ист. наук. М., 2021. С. 25, 108–110, 287–299, 306.

⁵ Савинова Н.В. Российский национализм и немецкие погромы в России в годы Первой мировой войны: 1914–1917 гг. Дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2008. С. 16, 58; Розенталь И.С. Образованное общество и народ // Россия в годы Первой мировой войны: экономическое положение, социальные процессы, политический кризис. М., 2014. С. 414–423; Стогов Д.И. Славянофильские общества и салоны в годы Первой мировой войны // Государство, общество, церковь в истории России XX–XXI веков. Материалы XVII международной научной конференции, Иваново, 28–29 марта 2018 г. Иваново, 2018. С. 336–339.

⁶ Известия Славянских трапез. № 2. Пг., 1914; Известия Славянских трапез в Петрограде за сентябрь и октябрь. 1914 год. Пг., 1915.

«известия» самого общества. Достаточно подробная информация о последних его собраниях в 1917 г. обнаруживается уже в ведомственных документах, а именно в донесениях Л.К. Куманина, чиновника особых поручений при председателе Совета министров, заведовавшего Министерским павильоном при Государственной думе⁷. Отрывочные сведения о «Славянских трапезах» за разные годы присутствуют в мемуарной литературе и в материалах перлюстрации Департамента полиции. Поэтому дальнейшее освещение деятельности этого общества будет разбито на две части, охватывающие июль 1914 — март 1915 г. и январь—февраль 1917 г. и позволяющие судить как об основных характеристиках, так и о переменах в настроениях его участников, произошедших к концу правления Николая II.

Круг участников и детали деятельности «Славянских трапез» устанавливаются в основном по данным о еженедельных собраниях в виде обедов (трапез или банкетов), устраивавшихся, как правило, по четвергам в вечернее время⁸. Эти заседания нумеровались и, например, 4 сентября 1914 г. состоялся 135-й славянский обед. Их организацией занимался специальный Комитет трапез, располагавшийся в здании Русского купеческого общества для взаимного вспоможения (Владимирский проспект, 12). В 1914 г. секретарём комитета являлся П.В. Лавров⁹. Место проведения обедов не было постоянным. Осенью 1914 г. они организовывались в ресторане гостиницы «Астория» на Исаакиевской площади, располагавшемся напротив здания бывшего германского посольства. Для участия в 135-м заседании требовалось заплатить 2 руб., а из-за ограниченного количества мест — предварительно записаться по телефону: «Астория — швейцару»¹⁰. Финансовые расходы, в том числе на отправку многочисленных телеграмм и издание «Известий Славянских трапез», ложились на всех участников собраний. К примеру, на 133-й трапезе они собрали на цели общества 70 руб. 90 коп.¹¹

Во время Первой мировой войны на заседаниях «Славянских трапез» обычно председательствовал генерал от инфантерии в отставке А.П. Скугаревский¹² — активный участник (с 1915 г. товарищ председателя) столичного Славянского благотворительного общества. В ряде случаев руководство обедами брали на себя Башмаков и публицист национал-прогрессивного направления Б.Б. Глинский. К наиболее активным участникам собраний относились младший брат П.А. Столыпина Александр (председатель Общества славянской взаимности), профессор В.М. Бехтерев¹³ (возглавлял Общество славянского научного единения), член Государственной думы Н.Н. Львов, публицист славянофильского направления А.Н. Брянчанинов и др.

Среди присутствовавших на обедах преобладали высшие чиновники, промышленники и предприниматели, военные, а также представители интелли-

⁷ Донесения Л.К. Куманина из Министерского павильона Государственной думы, декабрь 1911 — февраль 1917 года // Вопросы истории. 2000. № 4—5. С. 23—24; № 6. С. 23—24.

⁸ Одна из трапез в марте 1915 г. затянулась до полуночи, а заседание 19 февраля 1917 г. пришлось на воскресенье (Л.З. Среди славянофилов // Русское знамя. 1915. 29 марта. № 70. С. 2; Донесения Л.К. Куманина... // Вопросы истории. 2000. № 6. С. 23).

⁹ Известия Славянских трапез. № 2. С. 8.

¹⁰ Новое время. 1914. 3(16) сентября. № 13821. С. 5.

¹¹ Известия Славянских трапез. № 2. С. 5.

¹² Л.З. Среди славянофилов. С. 2.

¹³ Известия Славянских трапез в Петрограде... С. 10.

генции славянофильского и панславистского направлений, в том числе члены славянских организаций столицы: Славянского благотворительного общества, Общества славянской взаимности, Общества славянского научного единения, Галицко-русского благотворительного и Чешского вспомогательного обществ и др. Согласно пространному отчёту Л.Т. Злотникова о трапезе, прошедшей, судя по всему, в четверг 26 февраля 1915 г., среди выступавших отмечены председатель московского Общества экономического возрождения России В.В. Шепетовский и председатель московских трапез В.А. Монастырёв¹⁴. Некоторые обеды посещали представители союзных государств. Так, на 141-м обеде 16 октября 1914 г. присутствовали сербский (М.И. Спалайкович) и греческий (И. Драгумис) посланники, помощник французского военного атташе майор Верлен, британские офицеры майор Кэмпбелл, капитан Симпсон и поручик Аллей, секретарь бельгийской миссии барон Ф. де Селис-Фансон, японские военные агенты полковник Одагири и майор Изоме, черногорский протосинкелл Мардарий (Ускокович) и фотограф Е.Л. Мрозовская¹⁵.

В прессе отмечалась популярность этих собраний. По сообщению одного из репортёров, «небывалым ещё многолюдством» отличилась трапеза 4 сентября 1914 г.¹⁶ В этот день в ресторане гостиницы «Астория» собрались более 250 человек. На следующих заседаниях численность участников росла и 16 октября превысила 350 человек¹⁷. Позднее известный историк М.В. Шахматов вспоминал, что во время войны славянофильские объединения получили сильное развитие, но «особенно посещаемыми были “Славянские трапезы”», салон Брянчанинова и Общество славянской взаимности, причём трапезы оказались «самыми шумными»¹⁸. Заинтересованные в расширении своих рядов устроители славянских обедов предлагали всем, кто разделял основные положения принимавшихся на заседаниях постановлений, направлять письменные обращения в Комитет трапез с выражением поддержки и «единения» (с указанием личных данных отправителя; допускались и коллективные письма). Также приветствовались конкретные предложения по борьбе с «немецким засильем»¹⁹.

Идеология рассматриваемого объединения базировалась на славянофильской и панславистской концепциях. Как отмечал Шахматов, на трапезах «произносились зажигательные речи, разогревавшие славянофильские чувства петроградского общества», и он сам на одном из заседаний прочитал свою поэму «В русском Царьграде»²⁰. Хотя многие участники собраний придерживались консервативных взглядов, в их идеологических установках наблюдалось определённое разнообразие, подвергнувшееся критике на страницах черносотенной газеты «Русское знамя». Посетив «славянский праздник»²¹ в петроградском Народном доме, автор опубликованной 20 февраля 1915 г. статьи посетовал на то, что среди его участников значительное место стали занимать «славя-

¹⁴ *Зло Л.* Среди славян // Русское знамя. 1915. 1 марта. № 49. С. 2.

¹⁵ Известия Славянских трапез в Петрограде... С. 10.

¹⁶ Земщина. 1914. 6 сентября. № 1775. С. 4.

¹⁷ Известия Славянских трапез в Петрограде... С. 3, 5–6, 10.

¹⁸ *Шахматов М.В.* Последние дни Мариинского дворца и Петрограда. Прага, 1927 г. / Публ. М.В. Сидоровой // Российский архив: история Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв. Альманах. Т. 14. М., 2005. С. 684.

¹⁹ Известия Славянских трапез. № 2. С. 8; Известия Славянских трапез в Петрограде... С. 15.

²⁰ *Шахматов М.В.* Указ. соч. С. 684.

²¹ Вероятно, речь идёт о торжественном собрании славянских обществ Петрограда, которое состоялось 13 февраля 1915 г. (Русское знамя. 1915. 4 февраля. № 27. С. 4).

нофильствующие радикалы», именовавшие себя «неославистами» и отрицавшие «духовную сердцевину чистой славянской идеологии», из-за увлечения «революционно-республиканскими принципами». Признавая, что не все славяне должны быть под российским «державным господством», он утверждал, что славянству следует находиться в неразрывной связи с «русскими идеалами», «под государственным и моральным водительством России и русского народа», а славянским народам — при непрерываемом «идейном руководительстве» России. Автор выразил озабоченность тем, что среди славянства получила распространение «международная космополитическая ересь», и для утверждения славянской идеи призывал русских неуклонно придерживаться «лозунга святой Руси», «православия, самодержавия и народности», «чистого, без всякой парламентской примеси монархизма и национализма», осознавая, таким образом, как свои, так и «всеславянские» задачи²². В связи с этим примечательно признание одного из представителей русского национализма А.И. Савенко в письме к Скугаревскому: «Я считаю, что русское славянофильство с течением времени будет всё более и более выходить на дорогу здорового национализма, очищаясь от бюрократически-космополитических элементов»²³.

Первоначально трапезы устраивались для «совместного обсуждения всех вопросов, касающихся общеславянского дела»²⁴. В годы Первой мировой войны центральное место среди тем, поднятых на банкетах, заняли судьба славянства после ожидаемого разгрома противников Антанты²⁵ и борьба с «немецким засильем», или, как его определяли участники собраний, «с мирным поработением нашей Родины»²⁶. На трапезах поднимались и другие вопросы внешней и внутренней политики, военной и экономической обстановки, включая контакты с союзниками, позицию Болгарии (до октября 1915 г. сохранявшую нейтралитет), положение военнопленных, переход промышленности на военные рельсы, идею введения сухого закона, а также предпринимались различные благотворительные акции.

В первые месяцы после подписания Николаем II 20 июля 1914 г. Манифеста о войне при рассмотрении на славянских обедах всех вопросов отмечалось влияние патриотического подъёма и стремление изъяснить верноподданнические чувства. Уже 31 июля на 130-й трапезе горячо приветствовались слова императора, обращённые к членам Государственного совета и Государственной думы на высочайшем приёме 26 июля о том, что «объединение славян происходит также крепко и неразрывно с Россией». По мнению участников славянского банкета, этим заявлением царя открывалась «новая эпоха в истории всего славянского мира», ведущая к реализации «старых славянофильских идей». Полагая наступившее мировое противостояние «последней освободительной войной для всего славянства», они обрисовали программу будущего политического обустройства славянских народов «на началах национального само-

²² -нб. На злобы дня // Русское знамя. 1915. 20 февраля. № 41. С. 1.

²³ Представительные учреждения Российской империи в 1906–1917 гг.: материалы перлюстрации Департамента полиции / Сост. В.В. Шелохаев, К.А. Соловьёв. М., 2014. С. 428.

²⁴ Известия Славянских трапез. № 2. С. 7.

²⁵ Л.З. Среди славянофилов. С. 2.

²⁶ Известия Славянских трапез. № 2. С. 7. Как вспоминал Шахматов, «Славянские трапезы», как и другие популярные славянофильские группы, стремились в своих докладах «дать широкой публике некоторые знания о славянах нерусских» и показать необходимость «надлежащей политической постановки вопроса» (Шахматов М.В. Указ. соч. С. 684).

определения». Так, планировалось образование независимого чехословацкого государства, объединение сербов, хорватов и словенцев, а воссоединившимся историческим польским землям предстояло «составить единый политический организм, неразрывно связанный с Россией». Вместе с тем присоединением «Прикарпатской Руси — Галицкой, Буковинской и Угорской» должно было завершиться «собрание Земли Русской». Для тех же славянских народов, которые после войны останутся в пределах германского мира или, не образовав собственного государства, окажутся в составе «братского славянского политического организма», предлагалось организовать культурную автономию. Все освобождённые славянские земли должны объединиться в экономический и политический союз, имеющий свободные выходы к Балтийскому и Чёрному морям. При этом «ключи» от последнего, т.е. проливы Босфор и Дарданеллы, требовалось оставить в руках России²⁷.

Впоследствии участники заседаний неоднократно посылали императору всеподданнейшие телеграммы. На одну из них, отправленную по решению 141-й трапезы (16 октября), благодарственный ответ поступил за подписью министра императорского двора и уделов гр. В.Б. Фредерикса²⁸. Участники обеда, устроенного 19 февраля 1915 г., обратились к царю с выражением «чувства своей горячей преданности и верноподданности», а также с уверенностью в том, что именно Николаю II удастся «призвать народы России и славянство к новой жизни, водрузить Крест на Св[ятой] Софии и установить в Европе прочный и благодетельный мир». На следующем заседании, состоявшемся, видимо, 26 февраля, Скугаревский зачитал ответную телеграмму императора, благодарившего членов славянских обществ Петрограда «за вознесённые молитвы» и высказанные ими чувства²⁹.

«Всепреданнейшей телеграммой» участники 131-й трапезы (7 августа 1914 г.) просили Верховного главнокомандующего вел. кн. Николая Николаевича «повергнуть к стопам» императора «чувства беспредельной любви и преданности». Вскоре из Ставки последовал благодарственный ответ за подписью начальника штаба генерала Н.Н. Янушкевича³⁰. Обращения к великому князю направлялись и позднее, например, в связи с его воззванием к полякам от 1 августа 1914 г., опубликованным в газетах на следующий день (постановление 136-й трапезы, 11 сентября), и по другим поводам³¹. После успешных действий русских войск в начале войны, по резолюции 132-го обеда, состоявшегося 14 августа, приветственные телеграммы были направлены генералам П.К. Ренненкампу и Н.И. Иванову³². 23 октября на 142-й трапезе чествовали Черноморский флот и кавказские войска³³. На банкетах второй половины 1914 — начала 1915 г. провозглашались «ура» Николаю II и вел. кн. Николаю Николаевичу, а также тосты за здоровье императора и победу³⁴.

Участники трапез верили в скорый мир и регулярно касались вопросов послевоенного устройства Европы. В частности, 4 сентября 1914 г. на

²⁷ Известия Славянских трапез в Петрограде... С. 13–15.

²⁸ Там же. С. 11.

²⁹ *Зло Л.* Среди славян. С. 1–2.

³⁰ Известия Славянских трапез. № 2. С. 1.

³¹ Известия Славянских трапез в Петрограде... С. 5, 12.

³² Известия Славянских трапез. № 2. С. 5.

³³ Известия Славянских трапез в Петрограде... С. 12.

³⁴ Там же. С. 10; *Зло Л.* Среди славян. С. 2.

135-м обеде Комитет трапез заявил о необходимости выработки устава новой «русско-славянской организации» для претворения в жизнь требований славянских идей. Генерал-лейтенант А.А. Смольский предложил создать на бывших австрийских территориях славянские государства, а «венцы этих государств» передать членам Русского царствующего дома³⁵. На состоявшейся через две недели, 18 сентября, 137-й трапезе камергер высочайшего двора, дипломат и публицист Е.Н. Шелькинг отметил, что обсуждение мирных условий не является преждевременным, но выразил сомнение в достижении при последующих переговорах всех требований России, поскольку «победы русского оружия не редкость, но редкость наши дипломатические победы». При этом оратор настаивал на ликвидации Австро-Венгрии и передаче её столицы славянству. О ряде насущных задач правительства при заключении мира на этом же собрании говорил Башмаков, обратив внимание на то, «что уже есть тихие течения кое-где спасти Австрию якобы из какой-то жалости, а на самом деле для спасения Пруссии и германского милитаризма». Он подчеркнул, что «не может быть заключено отдельного мира с Австрией»³⁶.

Рассмотрев минимальные условия мира на 138-м обеде, участники общества «Славянские трапезы» подробно остановились на этом вопросе на следующем заседании, состоявшемся 2 октября. Прежде всего они выразили озабоченность появившимися слухами об усилении «немецкой партии» в Петрограде и заявили о недопустимости сепаратного мира. При этом высказывалась мысль о необходимости сохранить союзнические отношения между странами Антанты после войны. Определять мирные условия, по мнению собравшихся, могли только участники Соглашения без какого-либо участия нейтральных держав, виновных в «пассивном безразличии». Во избежание ошибок Берлинского конгресса 1878 г. решающее слово на будущих переговорах должно было принадлежать не дипломатам, а монархам и другим главам государств, а также командующим армиями. Решения 139-й трапезы также предусматривали расчленение территории Австро-Венгрии; передачу вопроса о судьбе Венгрии и Трансильвании на усмотрение России; «полное искоренение» прусского милитаризма; наложение на Центральные державы денежной и «эстетической» контрибуции, поскольку «новые гунны недостойны» хранить произведения искусства, а также штрафа по миллиарду марок за каждый акт вандализма, совершённый над «оскорблёнными ими городами»; постановку перед союзниками вопроса о Черноморских проливах. При созыве мирной конференции в Брюсселе требовалось не допускать на неё государства-противники — они подвергались бойкоту³⁷.

Отдельные вопросы послевоенного устройства обсуждались и позднее. При этом чаще стала звучать тема будущего земель, входивших в состав Османской империи. Согласно заявлениям, сделанным 30 октября на 143-й трапезе, Константинополь и окрестные территории должны были оказаться «под суверенитетом России на правах вольного самоуправляющегося города», а Турецкая Армения подлежала освобождению и передаче под российский протекторат на правах автономии³⁸. Доклады по этому вопросу делались и на собраниях, предположительно прошедшем 26 февраля 1915 г. В этот раз член Государственного совета В.И. Гурко убеждал в необходимости овладения Россией проливами

³⁵ Земщина. 1914. 6 сентября. № 1775. С. 4.

³⁶ Новое время. 1914. 20 сентября (3 октября). № 13838. С. 14.

³⁷ Известия Славянских трапез в Петрограде... С. 6–8.

³⁸ Там же. С. 13.

и Константинополем, что послужит во благо всем южным славянам. Врач, публицист и мыслитель правых взглядов Н.Н. Шипов рассказал о судьбе Константинопольского патриархата и об устройстве церковных дел на берегах Босфора³⁹. Через месяц, на 161-й трапезе (видимо, 26 марта⁴⁰), Башмаков потребовал все мечети, образованные после османского завоевания из христианских храмов, превратить снова в церкви⁴¹. Следует отметить, что к этому времени распространились слухи о намерении турок уничтожить в Константинополе храм Св. Софии и святыни Гроба Господня в Иерусалиме в случае приближения к ним войск союзников. Славянские общества в Москве организовали проведение «Дня Царьграда и проливов», на котором обратились к Министерству иностранных дел с просьбой воздействовать на турецкое правительство через нейтральные страны, в том числе США, с целью недопущения актов вандализма. Предлагалось также распространять среди народа патриотические брошюры, сообщавшие о религиозном значении похода на Османскую империю, а после установления мира — предоставлять доступ к палестинским святыням только тем христианским конфессиям, которые признают таинство Евхаристии (т.е. православным, католикам и англиканам)⁴². На этом мероприятии присутствовала и делегация петроградских «Славянских трапез»⁴³.

Участники той же 161-й трапезы в Петрограде в конце марта 1915 г. вернулись к проблеме Угорской Руси, о ненужности которой для России сообщали брошюры, как отметил галицко-русский панславист и общественный деятель Д.Н. Вергун, «иудейского происхождения». Он подверг критике эти публикации, а Башмаков подчеркнул, что Угорская Русь должна принадлежать России наравне с Галицией и Буковиной⁴⁴. На собраниях осени 1914 — начала весны 1915 г. раздавались требования к российскому правительству опираться при выработке условий мира на «русское общественное мнение», а министру иностранных дел была направлена телеграмма с выражением уверенности, что «все славянские интересы и чаяния будут везде осуществлены»⁴⁵.

Заявляя о необходимости единства между государствами Антанты в вопросе о мирных переговорах, участники славянских обедов много внимания уделяли поддержке союзнического духа. С первых дней войны выступавшие на собраниях приветствовали народы Бельгии, Франции, Англии, Сербии и Черногории в их борьбе с германизмом. Через Чешское вспомогательное общество выражались благодарность и сочувствие чехам, страдавшим от австрийской власти⁴⁶. Летом 1914 — весной 1915 г. приветственные телеграммы направлялись иностранным посланникам в Петрограде, сербскому королевичу Александру, французскому главнокомандующему, бельгийскому королю. Слова поддержки самоотверженным боевым подвигам народов союзных государств приводились в обращениях 134-й трапезы от 28 августа 1914 г. к главам бельгийской Палаты

³⁹ Зло Л. Среди славян. С. 2.

⁴⁰ Дата установлена исходя из того, что составленный, вероятно, Л.Т. Злотниковым отчет о прошедшем заседании опубликован в воскресенье 29 марта 1915 г., а четверг приходился на 26-е число.

⁴¹ Л.З. Среди славянофилов. С. 2.

⁴² Московская копейка. 1915. 30 марта. № 16(163). С. 3.

⁴³ Пайнов Б. Царьград // Трудовая копейка. 1915. 29 марта. № 71(977). С. 2.

⁴⁴ Л.З. Среди славянофилов. С. 2.

⁴⁵ Там же; Известия Славянских трапез в Петрограде... С. 8.

⁴⁶ Известия Славянских трапез. № 2. С. 3; Известия Славянских трапез в Петрограде... С. 15.

представителей и британской Палаты общин, а в постановлении 143-го обеда от 30 октября — в адрес сербских войск. В ряде случаев источники упоминают и об ответах на телеграммы «Славянских трапез»⁴⁷.

16 октября 1914 г. А.Н. Азанчевский-Азанчеев, Башмаков, Брянчанинов, Глинский, И.С. Пальмов и Скугаревский в присутствии членов Государственного совета и Государственной думы зачитали приветствия посетившим в этот вечер 141-ю трапезу представителям Бельгии, Франции (обоим на французском языке), Англии, Японии (на английском), Сербии, Черногории (на сербском) и Греции (на русском). Ответные речи Аллея, Верлена, Одагири и Спалайковича прозвучали на русском языке, а де Селис-Фансона и Драгумиса — на французском. Оркестр Преображенского полка троекратно исполнил национальные гимны стран-союзниц. Главам правительств упомянутых государств (в этом месте отчёта, правда, не говорится о Греции) были направлены приветственные телеграммы. На обеде также прозвучали речи Башмакова «Славянская идеология», Брянчанинова «Новый Священный Союз» и Никанорова «Два способа ведения войны»⁴⁸.

Ввиду бедственного положения армии Черногории участники собрания 7 августа 1914 г. призвали жертвовать на отряд Красного Креста в этой стране. На следующей, 132-й, трапезе собранные 272 руб. 15 коп. они передали товарищу председателя Черногорского благотворительного общества протосинкеллу Мардарию (Ускоковичу)⁴⁹. В сентябре на 135-м банкете на нужды черногорской армии собрали 133 руб. 40 коп.; на 138-м — в пользу бельгийцев, пострадавших от немцев, пожертвовали 423 руб., которые передали бельгийскому посланнику в Петрограде⁵⁰. На славянских обедах возмущались насилием немцев над мирным населением и заявляли, что за каждый такой факт противнику воздастся сторицею⁵¹.

Особое место в постановлениях трапез второй половины 1914 г. уделено Болгарии, занимавшей в это время выжидательную позицию. Уже в резолюции заседания 31 июля 1914 г. заявлялось о её «изменническом» нейтралитете⁵². По итогам 131-го обеда, состоявшегося через неделю, было отправлено две телеграммы. В первой от болгарского царя Фердинанда требовалось чётко определить, на чьей стороне он намерен выступить. Вторая извещала болгарские политические партии о том, что при выборе враждебной России стороны Болгария «может оказаться вне славянской семьи» и лишится поддержки славянства⁵³.

В сентябре Смутьский настаивал на замене в Болгарии правящей династии по окончании войны, а на мирном конгрессе обещал передать болгарам Македонию⁵⁴. Участники 142-й трапезы (23 октября) осудили власти Болгарии, заявив, что перед болгарским народом теперь стоит выбор: «Фердинанд

⁴⁷ Известия Славянских трапез. № 2. С. 2–3, 5, 6–7; Известия Славянских трапез в Петрограде... С. 6, 13; Л.З. Среди славянофилов. С. 2; Земщина. 1914. 6 сентября. № 1775. С. 4; Новое время. 1914. 20 сентября (3 октября). № 13838. С. 14.

⁴⁸ Известия Славянских трапез в Петрограде... С. 10–12.

⁴⁹ Известия Славянских трапез. № 2. С. 2, 5.

⁵⁰ Известия Славянских трапез в Петрограде... С. 4, 6.

⁵¹ Там же. С. 15.

⁵² Там же. С. 14.

⁵³ Известия Славянских трапез. № 2. С. 3.

⁵⁴ Земщина. 1914. 6 сентября. № 1775. С. 4.

или Россия». Через неделю правительство в Софии подверглось осуждению за территориальные претензии к Сербии, на помощь которой участники обеда призывали выступить Румынию⁵⁵.

Следя за успехами на фронте, участники 135-го обеда (4 сентября) направили приветственную телеграмму в редакцию русскоязычной газеты «Прикарпатская Русь» во Львове, занятом русскими войсками 21 августа. На этом же заседании поддержали предложение черносотенца, присяжного поверенного П.Ф. Булацеля о необходимости создания на Карпатах казачьего войска с целью поддержания порядка на занятой территории. Для обеспечения казаков землёй следовало конфисковать её у прусских, польских, австрийских и мадьярских магнатов, настроенных по отношению к России враждебно⁵⁶.

С развитием военных действий более острыми становились вопросы положения раненных и пленённых русских солдат. На 136-й трапезе в пользу лазарета при редакции журнала «Исторический вестник» было собрано 142 руб. 35 коп.⁵⁷ На трапезе, прошедшей, судя по всему, 26 февраля 1915 г., председатель Общества о военнопленных Г.А. Кондратьев рассказал о 500 тыс. славян, находившихся в русском плену. Другой докладчик, полковник Сергеев, обрисовал тяжёлое положение русских военнопленных в Германии и Австро-Венгрии по сравнению с пленными немцами в России⁵⁸. В конце марта на 161-м славянском обеде полковник Д.А. Синюхаев сообщил о тяжёлых условиях, в которых приходится воевать русской армии в Карпатах, а Лавров поведал о подвиге рядового А. Макухи, лишённого языка за отказ сообщить австрийцам сведения о русских войсках. Публицист и общественный деятель, октябрист И.В. Никаноров поделился впечатлениями от поездки во Львов и Перемышль, указав на необходимость организации санитарной и медицинской помощи в Галиции⁵⁹.

Обращаясь к внутреннему положению России в военное время, участники «Славянских трапез» видели главную угрозу в «немецком засилье», прежде всего в экономической сфере. Наиболее подробно различные аспекты этой проблемы обсуждались 14 августа 1914 г. на 132-й трапезе, участники которой пришли к заключению, что Германия и Австро-Венгрия давно готовились к войне, желая отторгнуть лучшие российские территории вплоть до Волги. В принятом постановлении подчёркивалось, что большинство живущих в России немцев считают своим настоящим отечеством Германию, ведут в Российской империи нечестную экономическую деятельность и враждебно настроены по отношению к славянству. Призывая организовать борьбу с «немецким засильем», собравшиеся требовали очистить бюрократический аппарат и образовательные учреждения страны от «многочисленного немецкого элемента», создать специальную комиссию из русских предпринимателей с целью определения международных рынков для сбыта русских товаров. Предлагалось прояснить вопрос о правомерности владения германскими и австрийскими подданными недвижимостью и занятия ими должностей в российских органах государственного управления и в коммерческих организациях. К экономическому блоку решений также относилось намерение «возбудить вопрос об урегулировании

⁵⁵ Известия Славянских трапез в Петрограде... С. 12–13.

⁵⁶ Там же. С. 3–4.

⁵⁷ Там же. С. 5.

⁵⁸ *Зло Л.* Среди славян. С. 2.

⁵⁹ *Л.З.* Среди славянофилов. С. 2.

крупного немецкого землевладения, о немецких колониях». Кроме того, было поддержано предложение Никанорова о необходимости «охранять все виды русского производства в противовес немецкому ввозу» и о принятии других мер для защиты российской экономики в условиях войны. Предлагалось конфисковать земли тех германских и австрийских подданных, чьи родственники сражались на стороне Центральных держав. Участники собрания решили обратиться в правительство с просьбой не назначать немцев на «ответственные и высшие должности» и намеревались найти способ «парализовать германский закон о двойном подданстве»⁶⁰.

На этом же обеде предлагалось заменить преподавание немецкого языка английским в средней школе⁶¹. Тема очищения речи обсуждалась ещё 31 июля, когда участники 130-й трапезы призвали писателей, журналистов и учёных избегать употребления германизмов, а также обратились в правительство с требованием заменить немецкие слова на русские в официальной терминологии⁶². В связи с отказом Министерства народного просвещения ввести в школе английский язык вместо немецкого участники 140-го обеда (9 октября) решили добиваться своей цели вплоть до окончания войны, предлагая преподавание какого-либо другого языка. Впоследствии вопрос об иностранном языке следовало передать на усмотрение учеников и их родителей⁶³.

С конца лета 1914 г. проблема немецкого элемента в управлении и экономике часто рассматривалась на славянских обедах. Так, на основании принятой 21 августа 1914 г. резолюции внимание председателя Совета министров обращалось на то обстоятельство, что сыновья и другие родственники ряда российских предпринимателей (в том числе поставщиков армии и флота) сражаются на вражеской стороне. Участники следующей, 134-й трапезы приглашали отечественные торгово-промышленные круги к совместной деятельности, включая выработку мер по освобождению русской торговли и промышленности от «немецкого засилья» и «захвата их немцами»⁶⁴.

Через неделю, 4 сентября, снова обсуждались вопросы «о мерах и способах борьбы с немецким засилием на почве экономической и общественно-политической»⁶⁵. Многие призывали русское общество активнее выступать против этого явления. Одна из участниц рассказала о вопиющем случае: в поезде с российскими подданными, следовавшими на родину, во время движения состава германский офицер выбросил в открытое окно трёхлетнего сына «госпожи Ф.», который, размахивая ручками, случайно задел офицера. Впоследствии «госпожа Ф.» сошла с ума⁶⁶. На основе информации, приведённой Булацелем, участники славянского обеда направили министру юстиции и министру путей сообщения письма о том, что на станции Вильно ответственные должности по-прежнему занимают немцы и это вызывает раздражение русских офицеров и солдат. В ещё одном письме до министра юстиции доводились полученные от Булацеля сведения, будто сенатор Э.Н. Берендтс действует в интересах герман-

---

⁶⁰ Известия Славянских трапез. № 2. С. 3–5.

⁶¹ Там же. С. 4.

⁶² Известия Славянских трапез в Петрограде... С. 15.

⁶³ Там же. С. 10.

⁶⁴ Известия Славянских трапез. № 2. С. 5, 8.

⁶⁵ Новое время. 1914. 3(16) сентября. № 13821. С. 5.

⁶⁶ Земщина. 1914. 6 сентября. № 1775. С. 4.

ского подданного Р. Шульца, ходатайствуя о разрешении последнему торговать спиртными напитками⁶⁷.

Следует отметить, что «Славянские трапезы» включились в движение за народную трезвость не позднее 14 августа 1914 г. Тогда, по предложению Лаврова, в обращении к правительству собравшиеся ходатайствовали «о полном прекращении продажи водки и спиртных напитков не только во время войны, но и навсегда»⁶⁸. Как видно из инициативы, предпринятой после доклада Булацеля, вскоре этот вопрос оказался элементом борьбы с «немецким засильем». Впоследствии такой подход сохранялся, о чём свидетельствует заявление Шипова на 161-й трапезе (судя по всему, 26 марта 1915 г.) о потворстве чиновниками немецкого происхождения в торговле вином и пивом. По его предложению было принято специальное постановление в адрес правительства, в котором говорилось о необходимости всемерно противостоять лоббистам алкоголя⁶⁹.

Участники 136-го обеда, состоявшегося 11 сентября 1914 г., потребовали от председателя Совета министров провести сенаторскую ревизию в Лифляндской и Курляндской губерниях в связи с выявленными фактами притеснения немцами латышского и эстонского населения⁷⁰. На очередном собрании Никаноров обратил внимание на высокие котировки российских ценностей со стороны берлинской биржи, отметив, что «биржа не только показатель политической погоды, она и политическое орудие борьбы». Задав риторический вопрос: «Если германский рынок свободен от французских бумаг, то почему он не свободен от русских?», он напомнил, что в России с Германией имели дела такие банки, как Азовско-Донской, Русский для военной торговли, Петроградский международный, Сибирский торговый, Торговый банк в Лондоне и др. Говоря о необходимости выйти из зависимости от германского капитала, докладчик предложил опираться на свои собственные резервы. Решение вопроса он видел в предоставлении возможности участия в финансовых операциях мелким акционером⁷¹.

Участники 140-го славянского обеда 9 октября выразили обеспокоенность лояльностью проживавшего в России немецкого населения, в связи с чем предложили секвестировать предприятия, в которых косвенно «участвовали капиталы враждебных наций». Они раскритиковали идею передачи государственных займов в руки крупных банков, которые подвергаются давлению со стороны международного капитала, в значительной степени немецкого. Альтернативным способом оплаты военных расходов, по мнению собравшихся, мог стать внутренний заём с 10-рублёвыми билетами⁷². На трапезе, устроенной, судя по всему, 26 февраля 1915 г., была зачитана приветственная телеграмма от вел. кн. Николая Николаевича, отвечавшего на отправленное ему ранее обращение славянского общества «Самодетельная Россия», главной задачей которого провозглашалась борьба с «немецким засильем». В этот же день Никаноров высказался о редакционной политике газеты «Речь», защищавшей, по его мнению, интересы германской буржуазии и рекламировавшей связанное

⁶⁷ Известия Славянских трапез в Петрограде... С. 4.

⁶⁸ Известия Славянских трапез. № 2. С. 5.

⁶⁹ Л.З. Среди славянофилов. С. 2.

⁷⁰ Известия Славянских трапез в Петрограде... С. 5.

⁷¹ Новое время. 1914. 20 сентября (3 октября). № 13838. С. 14.

⁷² Известия Славянских трапез в Петрограде... С. 9–10.

с германским капиталом «Электрическое общество 1886 года»⁷³. В связи с ростом всеобщей подозрительности следует упомянуть и о том, что на заседании, организованном, видимо, 26 марта, Вергун осудил «гнусное предательство» полковника С.Н. Мясоедова⁷⁴, о повешении которого пресса оповестила несколькими днями ранее.

В связи с поражениями на фронте в 1915 г. и приобретением войной затяжного характера, а также с нарастанием кризисных явлений внутри страны политические настроения и фокус внимания участников «Славянских трапез» к зиме 1916/17 г. заметно изменились. Об этом позволяют судить донесения Куманина о двух заседаниях общества в январе–феврале 1917 г.

О трапезе под председательством Башмакова, состоявшейся в конце января с «необычайным многолюдством» в Клубе общественных деятелей, Куманин сообщил 28 числа, в субботу. Помимо постоянных участников на ней присутствовали оппозиционные члены Государственного совета и Государственной думы (товарищ её председателя гр. В.А. Бобринский, В.А. Маклаков), видные писатели, журналисты, финансисты и т.д. В произнесённых речах, как правило, весьма резко критиковалась правительственная политика. Так, Вергун обвинил Г.Е. Распутина в нежелании содействовать возвращению русских пленных: за организацию освобождения из австрийского плена сотрудника газеты «Новое время» Д.Г. Янчевецкого (его возвращение на родину как раз состоялось на этом собрании) якобы требовали 50 тыс. руб. Обвинительную линию продолжил Никаноров, возмущившийся «засильем» «распутинцев» и немцев. Он привёл в пример распоряжение министра юстиции Н.А. Добровольского о приостановке действия закона о немецком землевладении от 2 февраля 1915 г. Поддержав оратора, Вергун напомнил об участии «Славянских трапез» в разоблачении «измены» В.А. Сухомлинова⁷⁵. В 1909–1915 гг. последний занимал пост военного министра, а в 1916 г. был отдан под суд, но обвинение в измене не подтвердилось.

19 февраля в помещении Военной гостиницы (бывшая «Астория») под председательством Скугаревского состоялась последняя из известных трапез. По сообщению Куманина, она также «была весьма многолюдной», на ней присутствовало «много офицеров и несколько генералов». Заседание началось с тоста председателя, но, по замечанию информатора, не как «обычно» — за императора, а за верховного главнокомандующего. Правда, и «этот тост был покрыт жидкими аплодисментами». Затем Скугаревский ознакомил собравшихся с приветственной телеграммой в адрес британского посла Дж. Бьюкенена. Следующим выступил член Государственной думы Л.А. Велихов, прибывший на собрание в форме артиллерийского обер-офицера. Он обвинил «безнациональную власть», «дающую» таких чиновников, как И.Ф. Манасевич-Мануйлов (бывший агент охранного отделения, состоял в окружении Распутина и председателя Совета министров Б.В. Штюрмера) и министр внутренних дел А.Д. Протопопов, которые якобы делают всё, «чтобы спасти изнемогающую Германию от разгрома». Преодолеть «германофильство на верхах», «распутье» и «тёмные силы», по мысли Велихова, могло только «проснувшееся сознание армии и народа».

⁷³ *Зло Л.* Среди славян. С. 2.

⁷⁴ *Л.З.* Среди славянофилов. С. 2.

⁷⁵ Донесения Л.К. Куманина... // Вопросы истории. 2000. № 4–5. С. 23–24.

После рассуждений Лаврова, Башмакова и Янчевецкого об экономическом положении славянства, интересах России в Азии и прочем последовали оппозиционные выпады других ораторов. При этом Брянчанинов критиковал как правительство («нам надо внутри у себя создать свободу и западные культурные порядки управления»), так и Государственную думу, увлечённую одними «внутренними пересудами». Вопреки распространённым нападкам думцев и периодической печати на министра земледелия А.А. Риттиха, выступающий поддержал его продовольственную политику, однако соответствующая резолюция не встретила сочувствия со стороны Комитета трапез. Также следует отметить речь члена Государственной думы кн. С.П. Мансырева, обрушившегося на «Протопоповых и Сухомлиновых» и призвавшего к освобождению народа от «безответственной и бесконтрольной», «прогнившей сверху донизу власти». В том же духе, хотя и менее резко, выступил Вергун. Никаноров, напротив, заявил, что «не всё уже у нас так плохо» и «довольно петь панихиды».

Анализируя это заседание, Куманин утверждал, что «трапезы определённо вступили на путь оппозиционной внутренней политики», но отметил, что далеко не все участники радикализировались. Наоборот, большинство поддержало весьма умеренную речь Никанорова. У многих участников собрания деятельность Государственной думы вызывала не восхищение, а «чувство разочарования»⁷⁶.

Таким образом, просуществовав около пяти лет, деятельность петроградских «Славянских трапез» стала заметным явлением в общественной жизни столицы и России в целом. В собраниях участвовали видные государственные деятели, военные, купцы и промышленники, представители интеллигенции. На них приглашались иностранные дипломаты и военные атташе. В период Первой мировой войны на трапезах обычно присутствовали 200–300 человек, известно и о более многочисленных заседаниях. С посетителей взималась плата, средства от которой шли на организацию трапез, издание печатной продукции (листовки, отчёты о деятельности), отправку телеграмм.

Расцвет деятельности «Славянских трапез» пришёлся на начало Первой мировой войны, когда надежды на воссоединение славянства под эгидой России подогревались победами русской армии. В этот период представители петроградских и московских трапез совершали взаимные визиты. На собраниях в Петрограде рассматривались преимущественно проблемы внешней политики. Планы будущего устройства славянского мира предполагали образование независимых государств под российским патронатом на заселённых славянами территориях Центральных держав, причём некоторые из новых стран должны были возглавить представители дома Романовых. Говорилось о включении в состав России Галиции, Буковины и Угорской Руси, с Россией же неразрывно связывалось и будущее Константинополя и Черноморских проливов. Подробно обсуждалась проблема «немецкого засилья». Для борьбы с ним предлагались меры, ограничивавшие влияние как германского капитала и трудившихся в России подданных Германии и Австро-Венгрии, так и соотечественников немецкого происхождения.

Попытки «Славянских трапез» повлиять на решения высшего руководства России в первые месяцы войны сводились к отправке телеграмм и писем императору, военачальникам, правительственным чиновникам. Участники

---

⁷⁶ Донесения Л.К. Куманина... // Вопросы истории. 2000. № 6. С. 23–24.

собраний постоянно получали благодарственные ответы от своих адресатов, в том числе от Николая II. Однако никакого практического воплощения политическая программа, отражённая в постановлениях трапез в этот период, не получила. «На бумаге» остались как идея полного запрета алкоголя «на вечные времена», так и требование заменить уроки немецкого языка в школах на английский или другие языки. Упомянутые на славянских обедах меры борьбы с «немецким засильем» в основном также оказались нереализованными⁷⁷. Вместе с тем при отсутствии сведений о прямом влиянии «Славянских трапез» на государственную политику принимавшиеся на собраниях резолюции, несомненно, способствовали формированию общественного мнения по различным вопросам, о чём до публики и правительства доводилось через периодическую печать правоконсервативного направления.

Ухудшение дел на фронте с 1915 г. и обострение внутривнутриполитической обстановки привели к тому, что грандиозная внешнеполитическая программа «Славянских трапез» всё более приобретала вид декларации о намерениях. Участники обедов подключились к процессу активных поисков изменников среди государственных служащих и руководства страны. Изначальная правоконсервативная направленность «Славянских трапез», проникнутая идеями славянофильства и панславизма, начала размываться. Если в начале войны среди участников банкетов преобладали правые (Шипов, Злотников, Булацель и др.) и националисты (Глинский, Савенко), в меньшей степени были представлены октябристы (Никаноров), то в начале 1917 г. увеличилось число оппозиционных политиков (Велихов, кн. Мансырев и др.). Перед Февральской революцией наблюдался весьма заметный поворот трапез в сторону политического либерализма и даже отход от поддержки самодержавной власти, что соответствовало общей тенденции среди правых течений в целом. Достаточно вспомнить антиправительственную речь члена Государственной думы, лидера черносотенного Союза Михаила Архангела В.М. Пуришкевича в ноябре 1916 г.⁷⁸

---

⁷⁷ По данным И.Г. Соболева, из подготовленных к отчуждению земель, принадлежавших лицам немецкого происхождения, общей площадью в 3 517 688 десятин реально отчуждёнными оказались лишь 406 485 десятин, а предприятий с участием немецкого капитала ликвидировано ничтожное количество (*Соболев И.Г. Борьба с «немецким засильем» в России в годы Первой мировой войны*. СПб., 2004. С. 82–83, 122).

⁷⁸ Подробнее см.: *Иванов А.А. Пламенный реакционер Владимир Митрофанович Пуришкевич*. СПб., 2020. С. 360–367.